

Н. Г. Подаяк

РОСТОКСКАЯ «СОБОРНАЯ РАСПРЯ»

1487—1491 гг.

(К вопросу о социально-политической борьбе в ганзейских городах конца XV в.)

Политическое развитие средневековой Германии отмечено значительными особенностями. Наиболее существенная из них — закрепление территориальной раздробленности в период, когда в других европейских странах создавались централизованные национальные государства. Развитие товарно-денежных отношений, вызвавшее рост городов и изменения в формах феодальной эксплуатации и поземельных отношений, привело в большинстве западноевропейских стран к общегосударственной централизации. В Германии же происходила концентрация политической власти в масштабах лишь отдельных территориальных владений, так называемая княжеская централизация.

Не составляли исключения и мекленбургские герцоги, одному из которых, Генриху IV, удалось к 1471 г. подчинить своей власти все мекленбургские города¹. И хотя наиболее крупные из них — ганзейские Росток и Висмар — управлялись патрицианскими магистратами и пользовались довольно широкой автономией, формально они подчинялись территориальным князьям. Посягательства последних на городские вольности и привилегии особенно активизировались со второй половины XV в., когда обнаружилась тенденция к упадку ганзейской торговли и к ослаблению ганзейских городов.

В этот период резко обострились внутригородские социальные противоречия и борьба основной массы городского населения за демократизацию местного управления. Пример такого столкновения дают события, разыгравшиеся в 1487—1491 гг. в Ростке и названные хронистами «соборная распря» (*Domveide*). Борьба горожан вышла тогда далеко за рамки антикняжеского выступления, превратилась в острейший внутригородской социальный и политический конфликт.

В большинстве работ немецких буржуазных историков этот вопрос затрагивался лишь попутно и решался без анализа

¹ Sauer H. *Hansestädte und Landesfürsten*. Köln; Wien, 1971. S. 73.

социально-экономических, внутри- и внешнеполитических условий. Так, О. Краббе, К. Коппманн, Г. Витте, Р. Ланге дают довольно подробное описание конфликта, но считают магистрат последовательным защитником общегородских интересов и не видят связи между ухудшающимся материальным положением трудящихся слоев и ростом их политической активности. Правда, упомянутые авторы не смогли обойти молчанием внутригородскую борьбу, но классифицировали ее как бунт черни, а в вожаке народного движения Гансе Рунге усматривали лишь диктатора, жаждущего власти². Правовое урегулирование конфликта, все частности встреч и переговоров представителей ганзейских съездов с мекленбургскими герцогами освещаются Г. Зауэром, но опять-таки без анализа социально-экономических причин движения³.

В монографии историка ГДР И. Шильдхауэра упоминаются события «соборной распри», но без обстоятельного обобщения приведенного материала⁴.

Между тем учет явлений феодальной реакции, выразившихся в усилении княжеской централизации, в немалой степени должен помочь более глубокому осмыслению предпосылок той широкой общественной борьбы, которая развернулась в Германии в эпоху Реформации и которая достаточно ярко проявилась в вендских городах.

Автор сообщения видит свою задачу в рассмотрении антикняжеского движения в Ростке как составной части последующей социально-политической борьбы и пытается исследовать причины, характер и итоги городских выступлений 1487—1491 гг. Поскольку к тому времени Росток был одним из основных центров Ганзы⁵, эти события имели и общеганзейское значение.

Основным источником по «соборной распре» служит хроника профессора теологии Ростокского университета Альберта Крантца⁶, хорошо информированного современника описываемых событий. А. Крантц принимал непосредственное участие в урегулировании конфликта, выступая на стороне патрициата, поэтому его «Вандалия» пронизана явным осуждением борьбы горожан. Нами использованы также хроника А. Корнера, любекская и анонимная

² См.: *Krabbe O.* Die Universität Rostock im 15. und 16. Jahrhundert. Rostock, 1854. S. 184—193; *Koppmann K.* Geschichte der Stadt Rostock. Rostock, 1887. S. 24—41; *Lange R.* Hans Runge und die inneren Kämpfe in Rostock zur Zeit der Domfehde // *Hansische Geschichtsblätter*. 1888. S. 101—134; *Witte H.* Mecklenburgische Geschichte. Schwerin, 1909. Bd. 1. S. 282—284.

³ Sauer H. *Op. cit.* S. 101—135.

⁴ *Schildhauer J.* Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar, 1959. S. 21—25.

⁵ *Daenell E.* Die Blütezeit der deutschen Hanse. 1906. Bd. 2. S. 293—300.

⁶ *Krantz A.* *Wandalia*. Frankfurt, 1580.

ростокская хроники⁷, протоколы переговоров магистрата с горожанами⁸, протоколы ганзейских съездов⁹, ганзейские грамоты¹⁰.

Весьма яркий и колоритный материал дают документы, содержащиеся в приложениях к монографиям и статьям Г. Лиша, Э. Шнитцлер, И. Шильдхауэра, У. Хаушильд: генеалогические таблицы патрицианских семей, постановления магистрата, налоговые реестры, сведения об эволюции цен и заработной платы¹¹.

В конце XV в. Росток был одним из значительных ганзейских центров с населением около 12,5 тыс. человек¹². К этому времени права мекленбургских герцогов ограничивались взиманием поземельного налога и осуществлением верховной юрисдикции¹³. Вся полнота экономической, административной и политической власти находилась в руках магистрата. Его состав формировался из связанных с внешней торговлей богатейших купцов и пивоваров — городского патрициата¹⁴. С XIV в. право заседать в нем узурпировалось ограниченным кругом богатейших семейств, находившихся во взаимном родстве и тесных деловых взаимоотношениях¹⁵. Всесилие и бессменное правление ограниченного круга лиц открывали перед магистратом широкие возможности и позволяли ему осуществлять политический курс в соответствии с интересами патрициата.

Уже с середины XV в. Росток, процветавший ранее за счет ганзейских привилегий, оказался, как и Ганза в целом, не в состоянии конкурировать с растущей английской и нидерландской торговлей. Поэтому крупное ростокское купечество все активнее стало вкладывать излишки торгового капитала в надежные источники доходов — в приобретение рент и земельных участков¹⁶, стремясь ослабить пагубные последствия неблаго-

⁷ Von der Rostocker Veide. Rostocker Chronik von 1487 bis 1491. Hrsg. v. K. Krause // Programm der grossen Stadtschule zu Rostock. Rostock, 1880. S. 1—22 (далее: Rost. Veide); Korner A. Cronica novella / Hrsg. von J. Schwalm. Göttingen, 1895; Chroniken der deutschen Städte. Lübeck, 1897. Bd. 26.

⁸ Wöchentliche Lieferung alter nie gedruckter Rostocker Urkunden und anderer Nachrichten. Rostock, 1759.

⁹ Hanserezepte. Leipzig, 1881—1883. Abt. 3. Bd. 1—2. (Далее: HR).

¹⁰ Hansisches Urkundenbuch. Bd. 1: Halle, 1876; Bd. 8: Halle, 1899; Bd. 10: Halle, 1907; Bd. 11: Halle, 1916. (Далее: HUB).

¹¹ Lisch G. Die Landfahrer-Krämer-Kompanie zu Rostock // Mecklenburgische Jahrbücher. 1842. S. 196 (далее: MJB); Schnitzler E. Die Gründung der Universität Rostock // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. 1957/58. S. 152ff.; Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen. S. 46—47; Hauschild U. Studien zu Löhnen und Preisen in Rostock im Spätmittelalter. Köln; Wien, 1973.

¹² Paache H. Städtische Bevölkerung früherer Jahrhunderte // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1882. N 5. S. 353.

¹³ Ritsche A. Geschichte Mecklenburgs. B., 1901. Bd. 2. S. 118.

¹⁴ Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen. S. 26—40.

¹⁵ Schildhauer J. Soziale politische und religiöse Auseinandersetzungen. S. 33.

¹⁶ Ibid. Tab. II. N 13, 18, 39, 51, 61 u. a.

приятной экономической конъюнктуры. Между тем среднее и особенно мелкое купечество не имело подобной возможности, и именно оно в первую очередь испытало всю болезненность последствий ганзейского упадка.

Утрата Ганзейским союзом его бывшего могущества вела к ухудшению материального положения массы среднего и мелкого купечества и ремесленников, связанных с транзитной и экспортной торговлей. По данным налоговых реестров, в 1482—1490 гг. численность низших слоев ростокского населения возросла с 55,8 % до 57,4 %, что происходило преимущественно за счет разложения и пауперизации средних слоев и, естественно, не могло не вызвать роста социальных противоречий. Доля же богатейших горожан к 1490 г. составляла 0,5 % ростокского населения¹⁷. Но если купцы и пивовары-оптовики, не принадлежавшие к патрициату, формально могли избираться в магистрат, то ремесленники устранялись от участия в городском управлении. Из этого правового неравенства, обусловленного превалирующей ролью в ганзейских городах торговли, вытекало и различие целей, выдвигаемых купечеством и ремесленниками: если для первых речь шла лишь о реальном избрании в совет, то для других — о получении власти путем изменения городской конституции.

Кризисные явления, переживаемые Ганзой, нашли отражение в росте дороговизны. Так, в 1487 г. по сравнению с предыдущим годом заметно поднялись цены на основные продукты питания: хлеб, мясо, рыбу и т. п. Среднегодовой семейный расход на них возрос примерно с 53 марок 13 шиллингов до 60 м. 14 ш., а среднегодовая заработная плата составляла у носильщиков 46 м. 14 ш., подсобных рабочих — 56 м. 4 ш., каменщиков и пильщиков — 75 м.¹⁸, т. е. в отдельных случаях она не покрывала даже расходов на питание, не говоря уже об остальных. Естественно, рост цен прежде всего ударил по материальному положению низших слоев трудящихся, и это не могло не повлечь за собой обострения социальных противоречий.

Таким образом, к концу 80-х годов XV в. в Росток созрели объективные предпосылки для широкого народного недовольства. Еще в 1418 г. мекленбургские герцоги Альбрехт V и Иоганн IV совместно с ростокским магистратом выразили желание создать в Росток университет и ежегодно выделять на его содержание 800 рейнских гульденов. 13 февраля 1419 г. последовало разрешение папы, но герцоги, хлопотавшие об основании университета, постарались все материальные заботы свалить на плечи горожан¹⁹. Те согласились нести бремя по содержанию университета, лишь бы не допустить усиления в городе княжеского влияния. В сентябре

¹⁷ Ibid. S. 46.

¹⁸ Hauschild U. Studien... S. 162, 164.

¹⁹ Schnitzler E. Die Gründung... S. 152.

1419 г. ростокский магистрат принял решение оказывать университету ежегодную денежную помощь в размере 800 рейнских гульденов и аккуратно их уплачивал²⁰. Однако после того, как в 1437 г. в ходе внутригородского конфликта университет по решению Базельского собора покинул Росток, городские власти позволили ему вернуться только в 1443 г. и лишь при условии отказа на 200 лет от городской денежной помощи²¹.

С 1477 г. власть в Мекленбурге перешла к сыновьям Генриха IV Магнусу и Балтазару. Если последний в основном увлекался охотой, то с именем Магнуса связано дальнейшее усиление княжеской централизации, которая выразилась в попытках подорвать городскую монополию морской торговли, ввести новые налоги, распространить на города княжескую юрисдикцию и т. п.²²

Поводом для вмешательства в городские дела послужил отказ Ростoka от уплаты денег университету. В 1483 г. под благовидным предлогом заботы о его материальном обеспечении и об улучшении в Ростoke богослужения герцоги заявили о желании преобразовать университетскую приходскую церковь св. Якоба в собор, все доходы от которого поступали бы на нужды университета. Правда, сама университетская администрация, по замечанию хрониста, весьма сдержанно отнеслась к этому проекту, справедливо рассудив, что он может послужить почвой для конфликта между горожанами и церковью²³. К концу XV в. влияние духовенства в Ростoke и без того было достаточно велико: здесь насчитывалось 182 прихода, 204 церковных лена, 300 монахов и монахинь²⁴.

К концу XV в. в Ростoke заметно усилились предреформационные настроения. Так, еще на исходе XIV в. в вендские города, в том числе и Росток, проникли идеи Д. Виклифа²⁵, по-видимому, благодаря контактам местных купцов с их английскими контрагентами. Несколько позднее в результате тесных связей с Пражским университетом²⁶ в городе стала известна программа гуситов, которая, видимо, пользовалась особой популярностью у ростокского населения, так как именно против гуситов в первую очередь направлялось острие пера официальных хроник второй половины XV в.²⁷ В городе уже действовали собственные пропо-

²⁰ *Krantz A.* Op. cit. XIV, 6; *Koppmann K.* Geschichte. . . S. 24.

²¹ *Koppmann K.* Geschichte. . . S. 33-34.

²² См.: *Подаяк Н. Г.* Ганзейские города в борьбе против мекленбургских герцогов во второй половине XV в. // Ежегодник германской истории. М., 1984. С. 65-79.

²³ *Krantz A.* Op. cit. XIII, 39.

²⁴ *Schröder M. D.* Papistisches Mecklenburg. Wismar, 1741. S. 61.

²⁵ *Schröder M. D.* Op. cit. S. 1551.

²⁶ *Schnitzler E.* Das geistige und religiöse Leben Rostocks am Anfang des Mittelalters. Münster, 1940. S. 21. Anm. 52.

²⁷ *Chronicken der deutschen. . .* S. 149; *Korner A.* Cronica. . . S. 499.

ведники, выступавшие за упразднение сложной церковной иерархии, пышного католического культа и почитания икон²⁸.

В таких условиях открытие собора, безусловно, должно было натолкнуться на противодействие основной массы горожан. Кроме того, его учреждение не только укрепило бы позиции католического духовенства, но прежде всего усилило бы поддерживавших его территориальных князей. Не случайно А. Кранц утверждал, что осуществление своего проекта герцоги рассматривали как первый шаг для широкого наступления на городские привилегии, желая возвести в Ростoke замок и перенести сюда из Шверина епископскую резиденцию их младшего брата Конрада²⁹.

Неудивительно, что 8 сентября 1483 г. магистрат отклонил предложение герцогов, но, поскольку те не желали отступить, более полугода прошло во взаимных препирательствах и жалобах³⁰.

По мере обострения ситуации в январе 1484 г. ростокский магистрат обратился с просьбой о поддержке к вендским городам³¹. Дело в том, что в 1483 г. Любек, Гамбург, Росток, Штральзунд, Висмар и Лüneбург заключили трехлетний антикняжеский союз, продленный затем в 1486 г. еще на 5 лет³². Города обязывались оказывать друг другу помощь в случае вооруженного конфликта с территориальными князьями, а также совместными усилиями защищать городские привилегии от их посягательств³³. Поэтому 15 марта 1484 г. вендские города уведомили мекленбургских герцогов, что готовы посредничать в урегулировании конфликта, подчеркнув, что «не покинут Росток в его справедливом деле». В ответ герцоги заявили: поскольку речь идет о церковных делах, то и решать их должен суд духовный, а не светский; городам же не следует поддерживать Росток³⁴. Лишение Ростoka поддержки его светских союзников обеспечило бы скорую победу князьям, выступавшим в тесном единстве с духовенством.

Между тем 9 мая 1484 г., не дождавшись приговора высших духовных инстанций — епископа Бременского и папы, к которым апеллировали враждующие стороны, — епископ Шверинский наложил на Росток интердикт. В ответ возмущенные горожане не только не подчинились ему, но 1 июня 1484 г. заявили протест папе Сиксту IV³⁵.

²⁸ *Müller J.* Zu den Schriften des Magisters Nicolaus Rute in Rostock // Zeitschrift der Gesellschaft für niedersächsische Kirchengeschichte. Braunschweig, 1896. S. 187-188.

²⁹ *Krantz A.* Op. cit. XIV, 6.

³⁰ *Ibid.*; HR. Abt. 3. Bd. 1. N 547, § 45.

³¹ HR. Abt. 3. Bd. 1. N 495.

³² *Ibid.* Bd. 2. N 11. § 42; N 23; N 26, § 1-5.

³³ *Ibid.* Bd. 1. N 482. § 14-15.

³⁴ *Ibid.* N 508, 509.

³⁵ *Ibid.* N 547, § 45.

В июле 1484 г. посольство Росток известило находившихся на переговорах в Копенгагене представителей Ганзы о подготовке князей к вооруженным действиям против Росток и обратилось с просьбой о помощи³⁶. Как показали дальнейшие события, опасения Росток были не напрасны. В августе 1484 г. любекский магистрат сообщил, что союзник мекленбургских герцогов Иоганн Саксонский набирает для них войско³⁷, в связи с чем любекцам категорически запрещалось участвовать в вербовке³⁸.

Тогда же вендские города попытались уладить конфликт дипломатическим путем. При их посредничестве в сентябре 1484 г. между Росток и территориальными князьями было заключено годичное перемирие для выработки взаимоприемлемых условий³⁹. Примиренческая позиция князей, еще недавно отвергавших любые предложения, объяснялась довольно просто. Поскольку в августе 1484 г. Сикст IV отменил интердикт⁴⁰, герцоги пытались выиграть время для перехода в новое наступление. И действительно, вскоре Сикст IV умер. Магнус II немедленно обратился к жалобой к новому папе Иннокентию VIII, и тот 27 ноября 1484 г. издал буллу об учреждении в Росток собора⁴¹.

Однако ее обнародование 13 марта 1485 г. натолкнулось на столь решительный протест горожан, что папа подверг город новому интердикту⁴². В январе 1486 г. Магнус II совершил поездку в Рим и добился от Иннокентия VIII издания повторной буллы об открытии собора. По всей вероятности, на встрече с папой шла речь и о сопротивлении вендских городов. Во всяком случае, призыв папы к императору Максимилиану I, а также к территориальным князьям оказать мекленбургским герцогам всемерную поддержку не кажется нам случайным⁴³.

Упорство мекленбургских герцогов имело конечной целью широкое наступление на городские вольности и привилегии.

Когда 13 июля 1486 г. в Росток стало известно содержание папской буллы, в магистрате разгорелись дебаты. Часть ратманов считала, что необходимо пойти на кажущиеся уступки герцогам, выиграть время, а затем действовать в зависимости от обстоятельств. Их немногочисленные противники настаивали на немед-

³⁶ Ibid. N 546, § 160, N 547, § 45.

³⁷ В ответ на образование межгородских антикняжеских союзов территориальные князья в свою очередь старались сплотиться против городов. Так, в 1482—1487 гг. оформилось «содружество» мекленбургских герцогов с Богиславом Померанским, Иоганном Саксонским и графом Рупинским, действовавшее и во время «Соборной распри». См.: *Rische A. Op. cit.* S. 121.

³⁸ HN. Abt. 3. Bd. 1. N 572.

³⁹ Ibid. N 567.

⁴⁰ Ibid. N 571.

⁴¹ Ibid. S. 551. Anm. 3.

⁴² *Koppmann K. Geschichte...* S. 43.

⁴³ *Krantz A. Op. cit.* XIV, 6.

ленным и решительном отпоре посягательствам князей. Победила первая точка зрения, и 15 июля 1486 г. бургомистр Вике фон Херворд в присутствии свидетелей и нотариуса торжественно заявил членам магистрата, что Росток подчиняется приказу папы⁴⁴. 22 июля магистрат сообщил Магнусу II: «...мы и наши бюргеры... покоряемся высочайшей воле господина нашего папы Римского и как добрые христиане будем следовать его указаниям»⁴⁵. Противопоставив себя интересам основной массы бюргерства, магистрат не рискнул, однако, объявить горожанам правду и лицемерно заверил их в том, что не допустит открытия собора⁴⁶. Введенная в заблуждение община одобрила позицию властей, двуличие которой объяснялось боязнью новых народных возмущений.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. После ряда проволочек⁴⁷ 22 ноября 1486 г. было принято компромиссное решение: ростокские власти прекращали строительство собора; в январе 1487 г. намечалось с помощью третейского суда уладить все прочие спорные вопросы между городом и герцогами⁴⁸. Уступчивость магистрата понять не так уж трудно. Дело в том, что территориальные князья оспаривали привилегию Росток на пользование береговым правом и настаивали, чтобы к ним по праву выморочного лена переходили земельные владения бюргеров, не оставивших прямых наследников⁴⁹. Именно эти вопросы надлежало рассмотреть на предстоящих переговорах, и, поскольку в сохранении городского землевладения и привилегии берегового права прежде всего была заинтересована патрицианская верхушка, церковный конфликт ввиду ее имущественных интересов отодвинулся на второй план. Герцогам удалось одержать первую победу.

8 января 1487 г. Магнус II уведомил магистрат о своем намерении со свитой и многочисленными гостями прибыть в Росток для освящения нового собора. Городские власти оказались в крайне щекотливом положении, ибо все еще не известили горожан о ноябрьской договоренности с князьями. Видимо, опасаясь расправы, они просили Магнуса II освободить их от участия в праздничной церемонии, но, получив отказ, вынуждены были пойти на новую уступку и 12 января присутствовать на освящении собора и введении в должность его служителей⁵⁰.

Появление герцогов в Росток поставило горожан перед свершившимся фактом. И хотя сохранялось внешнее спокойствие,

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ *Wöchentliche Lieferung...* S. 119.

⁴⁶ *Rost. Veide.* S. 1.

⁴⁷ *Koppmann K. Geschichte...* S. 47.

⁴⁸ См. об этом: *HR. Abt. 3. Bd. 2. N 78—79.*

⁴⁹ *HUB. Bd. 11. N 72; HR. Abt. 3. Bd. 2. N 75.*

⁵⁰ *Krantz A. Op. cit.* XIV, 7, 10; *HR. Abt. 3. Bd. 2. N 102, § 4.*

наблюдательный хронист отметил: «...бюргеры этого доброго города недоумевали, повторяя, что произошло большое недоразумение, с гневом и осуждением говорили о магистрате, который их обманул»⁵¹. Открыто возмущение прорвалось 14 января. Группа горожан сорвала воскресную мессу в новом соборе и, устремившись затем к ратуше, потребовала от магистрата выдачи спрятавшегося соборного настоятеля Томаса Роде, в прошлом герцогского канцлера. Вскоре он был захвачен разгневанной толпой и убит. Декана собора Хиприка Пентцина, в недавнем прошлом советника герцогов, заперли в башне. Другим соборным служителям удалось либо надежно спрятаться, либо бежать из города. Сам Магнус II спешно покинул Росток, не успев даже забрать драгоценности, привезенные к празднику. Уже у городских ворот оскорблениям и пасмешкам горожан подверглась его жена, герцогиня Софья.

Затем возбужденная толпа вернулась на городскую площадь, где от ее имени выступил каменщик Ганс Рунге. Он предъявил властям следующие требования: ввести отчетность магистрата перед общиной по всем внутри- и внешнеполитическим вопросам; ознакомить население с городскими привилегиями, которыми пользовались лишь патрициат и крупнейшее купечество, а рядовые горожане, как правило, не знали даже их содержания; избавить от наказания виновников случившихся беспорядков. Магистрат счел эти требования слишком радикальными, однако все попытки заставить горожан отказаться от них оказались безуспешными, и властям пришлось уступить⁵². Принятие указанных статей внесло качественные изменения в характер движения, придав ему социально-политическую окраску.

Тем не менее, как только в Росток наступило некоторое успокоение, городские власти отдали приказ о казни убийцы Т. Роде и об аресте одной из женщин, оскорблявших герцогиню. Одновременно магистрат заверил князей, что будут наказаны «все участники насилия»⁵³. Такое вероломство вызвало новую бурю возмущения патрицианским магистратом. 28 марта 1487 г., обнаружив нарисованные на дверях своих домов виселицу и колесо, из Росток вместе с сыновьями бежали бургомистры Керкгоф и Хассельбек, очевидно, главные инициаторы репрессий. Затем исчезли еще два ратмана⁵⁴. Обстановка вновь накалилась.

Этими обстоятельствами не замедлили воспользоваться территориальные князья. В конце мая 1487 г., когда на съезде в Любеке обсуждался вопрос о возможностях мирного урегулирования конфликта между Ростком и мекленбургскими герцогами, последние потребовали от вендских городов немедленно прекратить торговые

⁵¹ Rost. Veide. S. 1.

⁵² Ibid. S. 2.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid. S. 3.

связи с Ростком и без околичностей заявили, что гарантируют безопасную сухопутную перевозку товаров только по одной, лежащей в стороне от Росток, дороге⁵⁵. Таким образом, крупное ганзейское купечество оказалось перед лицом материальных потерь и немедленно пошло на уступки. Съезд обязал ростокский магистрат предать суду зачинщиков волнений и навести в городе порядок, грозя в противном случае исключением из Ганзы. Однако магистрат, прибегнув к малоубедительным отговоркам, не рискнул выполнить постановления съезда⁵⁶, что, бесспорно, диктовалось тревожной внутригородской обстановкой. В ответ 17 июля 1487 г. объединенные силы союзных князей из 2 тыс. пехоты и 200 всадников направились к Ростку⁵⁷.

Перекрыв сухопутные дороги к городу, князья стремились отрезать ему выход к морю. Поэтому первый удар обрушился на морские ворота Росток — местечко Варнемюнде, население которого оказало неожиданно упорное сопротивление. Лишь 10 августа, разрушив Варнемюнде и забаррикадировав выход из гавани, герцоги начали осаду Росток⁵⁸. Благодаря стойкости жителей Варнемюнде, Росток имел достаточно времени, чтобы должным образом подготовиться к отпору врагу. Он выставил ополчение из 1,5 тыс. пехоты и 150 всадников. 17 августа оно разбило противника. С нескрываемой гордостью ростокский хронист писал: «В этом сражении князья понесли огромные потери. Оно длилось всего полчаса, было коротким и решительным»⁵⁹.

Князьям пришлось вновь встать на путь переговоров. 22 сентября 1487 г. на встрече в Висмаре были высказаны взаимные претензии и принято решение о рассмотрении дела третейским судом⁶⁰. Любопытно, что одновременно ростокское посольство вело тайные переговоры с вендскими городами о предоставлении Ростку денежного займа, вербовке наемников, поставках оружия в случае новой агрессии. Любек, Гамбург и Люнебург немедленно ответили согласием, но Висмар и Штральзунд, находившиеся во владениях померанского и мекленбургских герцогов, заняли выжидательную позицию. Опасение репрессий было сильнее соображений ганзейского единства. Лишь под давлением союзников Висмар и Штральзунд заявили о верности своему долгу в отношении Росток⁶¹.

Наконец усилиями вендских городов 13 декабря 1487 г. удалось установить 15-месячное перемирие, после чего предполагался

⁵⁵ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 160, § 5.

⁵⁶ Ibid. § 62–65, 69, 71–79, 113, 177.

⁵⁷ Rost. Veide. S. 4.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid. S. 5.

⁶⁰ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 200, § 15–22.

⁶¹ Ibid. N 217, § 34–36.

созыв третейского суда⁶². В июле 1488 г. был также отчасти урегулирован конфликт с бургомистрами Керкгофом и Хассельбеком. Им возвращалось конфискованное имущество, хотя в магистрате их места уже заняли другие представители патрициата — Роделоф Бусинг и Иоганн Вилькен⁶³.

Казалось бы, все шло хорошо: в городе сохранялось спокойствие, на 11 марта 1489 г. был назначен третейский суд, перед которым Росток предстал бы, опираясь на деятельную поддержку вендской Ганзы. Однако в этот момент вспыхнули новые беспорядки. Поводом к ним послужил слух о том, что магистрат договорился с герцогами и идет им на уступки в ущерб ростокским вольностям. 10 февраля 1489 г. толпа народа собралась у ратуши и заявила о своем недоверии патрицианскому магистрату. Затем был избран так называемый «Совет 60-ти», куда вошли по 30 представителей от купечества и цехов⁶⁴. Инициатором его создания и руководителем стал Ганс Рунге. Он приказал всю ночь держать членов магистрата под охраной, вынудив их тем самым признать правомочность «Совета 60-ти». 11 февраля по настоянию Рунге и его ближайших сподвижников — мастера цеха каменщиков Берндта Вартберга, купца Титке Болдевана, бюргеров Иоахима Варнеке, Дитера Родуста и др., — а также по требованию собравшихся перед ратушей горожан было принято решение об отстранении от должности и заключении под домашний арест 9 ратманов. Остальные члены магистрата поклялись действовать в единстве с общиной и благодаря этому остались на своих постах⁶⁵.

Итак, бюргерство одержало решительную победу над патрицианским магистратом, добившись создания собственного органа власти. Образование «Совета 60-ти» было мерой социально-политического характера и свидетельствовало, что бюргерство, стремившееся ограничить господство патрициата, представляло уже достаточно организованную и внушительную силу.

События в Ростокке серьезно встревожили власти вендских городов. Поэтому ганзейский съезд заявив, что до тех пор, пока ростокский магистрат будет действовать в неполном составе, урегулирование конфликта с герцогами не возможно, направил в Росток двух авторитетных посланцев: А. Крантца и гамбургского писца Николауса Шульте. Под их влиянием 21 марта 1489 г. магистрат призвал ростокцев покончить с беспорядками и обещал не наказывать их виновников, оговорив, однако, что в дальнейшем любой внутригородской конфликт надлежит рассматривать в третейском суде⁶⁶.

⁶² Ibid. N 270.

⁶³ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 255.

⁶⁴ HUB. Bd. 11. N 273.

⁶⁵ Wöchentliche Lieferungen. . . S. 58.

⁶⁶ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 271.

Тогда от имени общины и «Совета 60-ти» Г. Рунге заявил, что магистрат сам должен решать городские проблемы и обязан взять на себя ответственность за случившееся при освящении собора. Два дня ратманы колебались. Но когда 23 марта группа бюргеров, предводительствуемая Г. Рунге, пригрозила им оружием, а «некоторые, особенно нетерпеливые, с ножами и топорами полезли в окна ратуши», магистрат был вынужден дать письменное обещание выполнить предъявленные требования. Лишь после этого находившиеся под домашним арестом ратманы были введены в должность и магистрат, став правомочным, приступил к переговорам с князьями⁶⁷.

Они проходили в Висмаре и завершились вынесением 7 сентября 1489 г. следующего решения: учреждение в Ростокке собора признавалось законным; город лишался всех привилегий и приговаривался к уплате герцогам штрафа в 30 тыс. рейнских гульденов; «Совет 60-ти» подлежал роспуску, а опальные бургомистры Керкгоф и Хассельбек — восстановлению в своих должностях; зачинщики беспорядков должны были предстать перед княжеским судом⁶⁸.

Итак, на сей раз победа досталась герцогам, что, на наш взгляд, было результатом их сговора с властями вендских городов. Мотивы такого соглашательства достаточно ясны: во-первых, из-за продолжавшейся морской блокады Ростокка крупное купечество вендских городов несло ощутимые убытки; во-вторых, оно опасалось, что народные волнения из Ростокка могут переброситься к ним. Патрицианский магистрат Ростокка также предпочел в угоду собственным материальным выгодам поступиться интересами бюргерства.

Понимая между тем, что сделка с герцогами грозит новым обострением внутригородских противоречий, магистрат стремился расколоть движение, привлечь на свою сторону купеческую и ремесленную верхушку. Так, по его наущению один из членов «Совета 60-ти», некий старшина цеха лавочников, т. е. человек зажиточный, пугал горожан предстоящими наказаниями и призвал содействовать магистрату в прекращении беспорядков, за что был изгнан из рядов «Совета»⁶⁹. Все же власти попытались перейти к решительным действиям. 3 декабря 1489 г. были арестованы шляпник Матиас Вольгемут и шкипер Ганс Гроте, а затем еще два бюргера, требовавшие их освобождения⁷⁰. Сами члены магистрата и их сторонники заняли оборону в ратуше, вооружившись и установив перед ее дверями морское орудие и две заряженные дробью пушки⁷¹.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Wöchentliche Lieferungen. . . S. 94—96.

⁶⁹ Lange R. Op. cit. S. 119.

⁷⁰ Wöchentliche Lieferungen. . . S. 73.

⁷¹ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 424. § 40.

Однако пустить их в ход «отцы города» не решились. 4 декабря перед ратушей вновь собрались негодующие горожане, причем многие из них были вооружены и настроены весьма решительно. Магистрату пришлось освободить арестованных, но волнения нарастали. В частности, освобожденный из-под стражи Матиас Вольгемут заявил, что не успокоится, пока не убьет виновника своего ареста бургомистра Вилькена⁷². Его призыв был с готовностью подхвачен, и горожане осадили монастырь, где укрылись те ратманы, в адрес которых раздавались самые страшные угрозы. Спасая свои жизни, они отказались от власти. Таким образом, к 11 декабря 1489 г. в ростокском магистрате вместо 24 членов оказались только 1 бургомистр и 8 ратманов, что дало «Совету» основание требовать пополнения состава магистрата. 12 декабря были избраны новые ратманы. Ближайший сторонник Г. Рунге, уже упоминавшийся Т. Болдеван, получил должность бургомистра⁷³. Сам Г. Рунге в магистрат не вошел, скорее всего на том основании, что был ремесленником. Кроме того, оставаясь главой «Совета 60-ти», он, вероятно, рассчитывал через него оказывать прежнее влияние на общину. И действительно, 3 марта 1490 г. Рунге и его сторонники категорически потребовали смещения оставшихся у власти членов старого магистрата. Несомненно, это требование опиралось на широкую поддержку народа, ибо оно немедленно было исполнено, причем «старые» ратманы не только лишались должностей, но вместе с семьями в 14-дневный срок подлежали выселению из Росток, а на их имущество налагался арест⁷⁴. «Совет-60-ти» превратился в реальную силу, которая могла диктовать свои условия магистрату. Немаловажную роль в усилении влияния «Совета» сыграли решительность, принципиальность и авторитет его руководителя Г. Рунге, последовательно выступавшего за уничтожение власти патрицианской олигархии.

Между тем в Росток сложилась крайне сложная ситуация. Блокада морской торговли, постоянные грабежи сухопутных купеческих караванов, учиняемые князьями, острый дефицит продовольствия и топлива привели к резкому росту цен⁷⁵ и ухудшили положение городского населения, в первую очередь его средних и низших слоев. К тому же над Росток нависла новая угроза княжеского нападения. Понимая, что без поддержки союзников город вряд ли сумеет его отразить, новый магистрат с одобрения общины согласился предстать перед третейским судом. Он начался 13 декабря 1490 г. в Любеке и завершился подписанием 17 декабря следующего договора: «старый» магистрат возвращался в город и восстанавливался в своих правах; одновременно с ним сохра-

⁷² Wöchentliche Lieferungen. . . S. 81.

⁷³ Rost. Veide. S. 14–15.

⁷⁴ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 325.

⁷⁵ Hauschild U. Studien. . . Tab. 97. S. 162.

нял свои полномочия и «новый» магистрат, который был обязан признать законным требование герцогов об открытии в Росток собора⁷⁶. Следовательно, перед лицом дальнейшего обострения внутригородских противоречий и угрозы княжеского вторжения «новый» магистрат пошел на компромисс с патрицианской верхушкой города, фактически подчинился ей, предав интересы народа. И хотя мы точно не знаем, к каким именно слоям купечества принадлежали члены «нового» магистрата, их выступление на стороне патрициата против основной массы горожан позволяет предположить, что это были представители и выразители интересов умеренной части бюргерства, видевшей цель движения исключительно в достижении реальной власти.

Совершенно по-иному повели себя сторонники Г. Рунге. 12 марта 1491 г. они объявили договор 17 октября 1490 г. незаконным на том основании, что, отправляя посольство в Любек, ростокская община уполномочила его принять лишь предложения по урегулированию конфликта, но не заключать договор. Произошла стычка между горожанами и ратманами, обстановка вновь стала неустойчивой и тревожной. На тайной сходке ближайшие приверженцы Рунге решили в ночь на 6 апреля свергнуть «новый» магистрат, убить наиболее ненавистных ратманов и активно подерживавших их богатых бюргеров. Но власти были заранее уведомлены о готовившемся заговоре, и замысел Г. Рунге провалился. Объявив заговорщиков уголовными преступниками, магистрат перешел к репрессиям.

При обыске в квартире Вартберга удалось обнаружить план замышлявшегося переворота с именами его участников. Немедленно были арестованы Рунге и 8 других руководителей движения⁷⁷. Опасаясь новых возмущений, магистрат так спешил расправиться с вожаками народа, что вечером того же дня Рунге, Вартберга и Крукенберга обезглавили⁷⁸. 14 апреля казнили еще двух активных участников выступлений, «многих других» бросили в тюрьму⁷⁹. «Совет 60-ти» был распущен, и город вновь оказался во власти магистрата⁸⁰.

Такой исход событий был, на наш взгляд, обусловлен рядом причин. Основная сила движения — средние слои бюргерства и городские низы были измучены многолетней борьбой. Оставшись без авторитетных руководителей, они оказались не в состоянии продолжать активное сопротивление. Отрицательную роль сыграл отход части бюргерства от принципиальных требований общины, после получения власти переметнувшейся на сторону патрициата.

⁷⁶ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 394–395, 397–398.

⁷⁷ Rost. Veide. S. 22.

⁷⁸ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 525.

⁷⁹ Rost. Veide. S. 22.

⁸⁰ Lange R. Op. cit. S. 129–130.

Немаловажное значение имела также поддержка, оказанная ростокским властям патрицианскими магистратами вендских городов.

Расправившись с народным движением, ростокские власти приступили к переговорам с князьями. Они завершились 20 мая 1491 г. подписанием в Висмаре соглашения, по которому при университете открывался собор, в город возвращался и уравнивался в правах с «новым» «старый» магистрат, горожане обязывались к уплате герцогам 21 тыс. рейнских гульденов, передаче им деревушек Никгузен и Фаренгольц, к принесению князьям извинений и клятвы верности⁸¹. Только на таких условиях удалось сохранить неприкосновенными городские привилегии и городское землевладение, т. е., по сути дела, оградить интересы патрицианской верхушки. В итоге она не только удержала власть, но и не понесла серьезных материальных убытков.

Таким образом, ростокское движение 1487—1491 гг., направленное первоначально против усиления княжеской централизации, довольно скоро слилось с борьбой за ликвидацию неограниченного господства патрицианской олигархии и проведение политики, отражавшей интересы основной массы купечества и ремесленников. Эта борьба была тесно связана с обострением внутривендских социальных противоречий, вызванных упадком Ганзы, главная причина которого состояла в неспособности ганзейского купечества приспособиться к новым требованиям времени. Но если патрициат надеялся найти выход из кризиса в расширении отживавшей свой век феодальной системы ганзейских привилегий, то бюргерство стремилось покончить с кризисом, добившись ограничения господства патрициата и проведения ряда демократических преобразований. Однако объективно это было возможно лишь в условиях капиталистического развития.

П. Ю. Уваров

ГОРОДСКИЕ СЛОИ ПО РЕГИСТРАМ ШАТЛЕ (1539—1559 гг.)

Нотариальные акты являются одним из самых информационно насыщенных типов источников. В своей повседневной практике нотариус облакал в относительно унифицированные формы все многообразие явлений социально-экономической жизни. Сведения нотариальных актов более приближены к реальности, чем информация нарративных, юридических, а иногда и фискальных источников.

Не случайно без использования массового нотариального материала не обходится ни одно солидное исследование по социально-экономической проблематике позднего средневековья. Положение отечественного историка здесь невыгодно: к сожалению, архивы малодоступны, а рассчитывать на появление новых публикаций не приходится. Тем большее внимание должно быть уделено немногочисленному фонду изданных нотариальных актов.

По ордонансу в Виллер-Коттре 1539 г. Франциск I предусматривал введение обязательной регистрации дарственных актов в судах первой инстанции. С конца 1539 г. в Шатле (суд Парижа и превотства Иль-де-Франс) начали вести регистры дарений. Инвентарь регистров до 1559 г. был издан в 1906 г. архивистом А. Компардоном и историком Э. Тюети¹. В публикацию вошло 5382 дарственных акта.

В рамках данного исследования мы остановимся на самом распространенном их типе. Это 1350 дарений на имя студентов университета. Типичная дарственная студенту имеет следующую структуру — информация о дарителе (или дарителях): имя, в ряде случаев — звание («экуюе», «парижский буржуа», «мэтр»...), указание на профессию или должность, адрес; сведения о студенте²: имя, указание на характер связи с дарителем, прочие сведения; информация об объектах дарения: ренты, права на земельный участок и наследство какого-либо родственника, причем иногда указывалась его профессия или должность; некото-

¹ Compardon A., Tuety E. Inventaire des registres des insinuations de Châtelet de Paris. P., 1906. (Далее: ИР1).

² Под этим термином могли понимать как 12-летнего подростка, так и вполне солидного магистра искусств, преподающего в коллеже.

⁸¹ HR. Abt. 3. Bd. 2. N 562, 564.